

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ РАССЕЯННОГО ВОКАТИВА В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Реферат. Наряду с начальным обращением к адресату эпистолярный текст нередко содержит внутритекстовые вокативы. Многократное обращение автора письма к своему адресату, вызванное особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием адресанта, требующим непрерывного контакта с адресатом, мы называем рассеянным вокативом. На основе сопоставления интродуктивной и повторной номинации адресата в составе рассеянного вокатива выделены и описаны его структурные модели. Рассеянный вокатив, как правило, имеет повторяющуюся лексическую доминанту: антропоним или апеллятив. Внутритекстовые компоненты рассеянного вокатива не только служат поддержанию контакта, но и маркируют некоторые дискурсивные единицы, реализующие речевые жанры извинения, благодарности, просьбы, комплимента, поздравления, пожелания, обещания.

Ключевые слова: *рассеянный вокатив, обращение, письмо, эпистолярный текст, речевой жанр.*

Эпистолярный текст рассматривается нами как послание, адресованное конкретному лицу или группе лиц, созданное с определённой коммуникативной целью и обладающее рядом типичных структурных элементов (адресация, индекс времени и места написания письма, заключительные этикетные формулы, подпись и др.), важнейшим из которых является та или иная форма обращения к адресату. Именно обращение, предваряющее текст, служит установлению контакта между участниками переписки, выполняя фатическую функцию; выбор формы именованного адресата анонсирует характер письма (дружеское, деловое), содержит имплицитную информацию об отношениях между корреспондентами. Не случайно поэтому то, что обращение как одна из типичных этикетных единиц, регулярно употребляемых в письмах, неоднократно становилось предметом лингвистических исследований. В первую очередь внимание исследователей эпистолярики привлекают такие этикетные единицы, которые носят нестандартный, окказиональный, индивидуально-авторский характер [1]. В работах В. Е. Захаровой, Н. В. Климовой, Н. П. Серого, А. Б. Черняевой и других языковедов изучается структура обращения в письме [2], его стилистические функции [3; 4], лексико-синтаксические особенности [5]. Н. И. Белунова в своём исследовании дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. рассматривает обращение как одно из основных адресатных средств диалогизации текста, выполняющее целый ряд функций: квалифицирующе-оценочную, коммуникативно-прагматическую, контактоустанавливающую; при этом она подчёркивает особую роль начального обращения [6, с. 62–65]. А. Б. Черняева, отмечая, что обращения могут находиться в письме не только перед текстом, но и в интерпозиции, также пишет об особой выразительности обращений, занимающих начальную (сильную) позицию в тексте дружеского письма [5, с. 15].

Лингвисты неоднократно обращали внимание на то, что нередко текст письма бывает насыщен разнообразными внутритекстовыми обращениями. А. В. Курьянович указывает, что высокая степень представленности в текстах обращений к адресату «способствует созданию большей степени диалогичности, имитации непосредственного живого общения, эффекта присутствия собеседника» [7, с. 177].

Рассматривая эпистолярный дискурс как гипержанр, объединяющий в своём составе первичные речевые жанры, учёные выделяют в письме, в частности, такие этикетные речевые жанры, как «начальное обращение» и «внутреннее обращение» [8, с. 24–26]. Как видим, в письме обращение субстанционально многопланово, к тому же оно может сочетаться с различными формами непрямого адресации, которые в формальном отношении не тождественны обращению как синтаксической единице, но функционально близки к нему и наряду с ним могут быть обозначены термином «вокатив».

Эпистолярный вкатив, таким образом, – это сложная в структурном и функциональном отношении лингвистическая фигура, которая отнюдь не исчерпывается начальным обращением письма. В тех случаях, когда адресант пишет в состоянии сильного эмоционального напряжения, связанного либо с его отношением к адресату, либо с неординарными обстоятельствами общения (например, на войне перед боем, в ситуации смертельной опасности), вкатив зачастую повторяется в письме неоднократно, либо в неизменённом виде, либо с изменениями лексического состава и синтаксической структуры. Вот пример из письма И. А. Бунина к В. В. Пашенко, написанного, как это следует из текста, в условиях крайне ограниченного времени, на железнодорожной станции, во время стоянки поезда. В нескольких строчках автор письма трижды обращается к своему адресату:

***Драгоценная моя!** пишу тебе на станции, пользуясь пятиминутною стоянкою. Я не могу не сказать тебе в эту минуту, что вся моя душа переполнена тобою. **Варя! дорогая моя!** ты друг мне, ты моя милая, близкая, любимая!.. Прости мне, ради Бога, прости мою давешнюю маленькую вспышку, мое недовольство.*

*Если мучимый страстью мятежной
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе его кроткой и нежной...*

***Варя, милая!** Звонок! [9, с. 69–70].*

Ещё пример: в другом письме И. А. Бунин обращается к В. В. Пашенко несколько раз, по-разному обозначая своего адресата: *милая ... милая ... драгоценная моя ... Ляличка ... бесценная, милая Варенька... дорогая моя... моя бесценная, дорогая моя, жизнь моя, Варенька ... деточка ... Варенька! Бесценная! ... милая, бесценная моя! ... Варюшечка* [9, с. 32–33]. Адресация подобного рода встречается во многих письмах И. А. Бунина, в частности [9, с. 7–9; 14–20; 21–24; 26–27; 34–36; 41–43; 52–54; 55–57; 58–59 и др.]. Такое многократное обращение автора письма к своему адресату, вызванное, как правило, особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием адресанта, требующим непрерывного контакта с адресатом, мы называем рассеянным вкативом. Рассеянный вкатив может состоять из трёх и более компонентов, в качестве которых выступают самые разные антропонимы (*Надя, Евгений Петрович, Алексеич*), аппеллятивы (*брат, голубчик, миледи*), в том числе и субстантивированный адъектив (*милый, родной, любимая*), клише (*милостивый государь, господин, товарищ*).

Целью данной статьи является установление некоторых структурных и функциональных закономерностей распределения компонентов рассеянного вкатива в тексте письма. Материалом исследования послужили письма И. А. Бунина [9], М. П. Мусоргского [10], П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк [11], а также письма художников П. М. Третьякову [12].

Компоненты рассеянного вкатива могут повторять друг друга, однако случаи дублирующего вкатива, в котором все компоненты одинаковы, крайне редки. В некоторых своих письмах Н. Ф. фон Мекк обращается к П. И. Чайковскому неоднократно и только по имени и отчеству [11, с. 20–22; 31–32]; М. П. Мусоргский в одном из писем трижды называет адресата одинаково: *дорогая Людмила Ивановна* [10,

с. 85–88], в другом – тоже трижды – *милейший Дмитрий Васильевич* [10, с. 242]. Но, как правило, характер номинации адресата в пределах одного письма изменяется. Количество и порядок компонентов рассеянного вокатива варьируются довольно широко, и едва ли параметры варьирования подчиняются сколько-нибудь универсальным правилам; для их характеристики, скорее, имеет значение соотношение интродуктивной (первой) и повторной номинации адресата. В письмах М. П. Мусоргского, например, распространена такая модель рассеянного вокатива, при которой интродуктивная номинация представляет собой детерминированный антропоним, а остальные компоненты вокатива повторяют первый, но в редуцированном виде, причём редукции могут подвергаться как детерминанты (полностью или частично), так и антропоним. В качестве детерминанта при имени собственном может выступать не только адъектив (*дорогой мой Милый*), но и апеллатив (*голубушка Людмила Ивановна*) или клише (*милостивый государь Арсений Аркадьевич*). Вот примеры вокатива описанного типа в письмах разным адресатам: *дорогой Милый... Милый... Милый* [10, с. 13–14], *дорогой Милый... Милый... Милый... дорогой* [10, с. 31–32], *дорогой Милый-Чешский, rane professore тож... Милый... Милый... Милый... Милый* [10, с. 62–64], *дорогой мой и милый Корсинька... милый... милый Корсинька... милый* [10, с. 70–72], *милый мой Cesare... милый... Cesare... милый... милый* [10, с. 83–85], *дружок Корсинька... дружок... друг* [10, с. 112], *дорогая моя голубушка, Надежда Васильевна... моя голубушка... дорогая моя голубушка* [10, с. 166–169], *милостивая государыня Любовь Ивановна... Любовь Ивановна... Любовь Ивановна* [10, с. 186–187], *дорогая Вы моя и хорошая, голубушка Людмила Ивановна... голубушка... голубушка* [10, с. 203], *мой милый, страждущий друг Арсений... друг... милый друг Арсений... друг мой* [10, с. 209–210], *друг Николай Андреевич... друг... друг* [10, с. 231], *мой милый друг Арсений... дружже... дружже... дружже... друг... милый мой... дружже... дружже... милый друг* [10, с. 248–250] и др.

Развёрнутый характер интродуктивной номинации, сочетающей оним и детерминанты, позволяет, с одной стороны, недвусмысленно обозначить адресата, с другой, формирует установку на контактное взаимодействие некоторой иногда даже избыточностью позитивных оценок, заключённых в формах суперлатива типа *прекраснейший, драгоценнейший, непревосходнейший, славнейший, милейший, прелестнейший, бесподобнейший*; однородных детерминантах *милый, славный, славнейший; мой дорогой и милейший; славный и дорогой мой; дорогой Вы мой, славный мой; дорогой мой и милый; дорогая Вы моя и хорошая* и т. п.

Другая модель, которая отличается от предыдущей тем, что стержневым словом интродуктивной номинации является не оним, а апеллатив, также реализуется большим количеством вокативов, например: *милый дружок дяинька... милый дяинька... дяинька* [10, с. 98], *дорогой мой генераль... дорогой мой... дорогой* [10, с. 107–108], *мой дорогой généralissime... дорогой мой... дорогой мой* [10, с. 147–148], *дорогой мой généralissime... дорогой мой... généralissime... дорогой мой... дорогой мой généralissime... [10, с. 170–174], мой дорогой généralissime... дорогой мой... мой дорогой... мой дорогой* [10, с. 212–214], *дорогая Вы моя, голубушка... дорогая... моя голубушка* [10, с. 220] и др.

Как видим, описанные выше модели дают возможность широкого варьирования повторной номинации адресата в рамках рассеянного вокатива, при этом интродуктивная номинация задаёт лексическую доминанту поливокатива – слово, неоднократно повторяющееся в нескольких его компонентах. Как правило, лексическая доминанта повторяется в разных письмах одного автора, обращённых к одному и тому же адресату. В письмах М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву такими доминантами являются две лексемы: имя *Милый* (92 употребления одиночного имени или в сочетании с разными детерминантами в 60 письмах) и адъектив *дорогой* (37

употреблений); в его же письмах, адресованных В. В. Стасову, три слова-доминанты: прозвище *généralissime* (63 употребления в 55 письмах), детерминанты *дорогой* (79 употреблений) и *мой* (76); в письмах к Л. И. Шестаковой – апеллятив *голубушка* (105 употреблений в 44 письмах), антропоним *Людмила Ивановна* (50), детерминанты *моя* (63), *дорогая* (42) и *родная* (32); в письмах к А. А. Голенищеву-Кутузову – апеллятив *друг* (42 употребления в 27 письмах), имя *Арсений* (30) и детерминант *милый* / *милейший* (35); в письмах к Н. А. Римскому-Корсакову – прозвище *Корсинька* (13), апеллятив *друг* / *дружок* (14) и детерминант *милый* (14). Некоторые лексемы-доминанты повторяются в письмах разным адресатам, но их сочетание в каждом случае своеобразно. Характер лексической доминанты определяется отношением адресанта к адресату и узусом, принятым в их коммуникации, и является одним из тех средств, которые объединяют письма, адресованные автором одному корреспонденту, в единый эпистолярный дискурс.

Насыщенность эпистолярного текста обращениями к собеседнику свидетельствует, как было уже отмечено, о повышенной эмоциональности общения и чаще возникает в тех случаях, когда предмет общения становится эмоциональное состояние адресанта, его внутренний мир, события, связанные для него с какими-то глубокими переживаниями. Большинство писем П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк друг к другу начального периода их переписки, охватывающего 1876–1878 годы, содержат поливокативы, зачастую состоящие из десяти и более компонентов. Такая интенсификация фативы в коммуникации связана с предметом общения. Так, например, письмо-исповедь, в котором Н. Ф. фон Мекк рассказывает П. И. Чайковскому историю своей жизни, попутно излагая свои нравственные убеждения и эстетические идеалы и создавая для своего адресата некий психологический автопортрет, содержит шестнадцать (!) вокативов [11, с. 126–132]. В другом письме, выражая беспокойство по поводу состояния здоровья своего корреспондента, фон Мекк употребляет обращение даже дважды в одном предложении: «*Меня очень беспокоит, Пётр Ильич, что Ваше здоровье так дурно, и мне кажется, что, предполагая пожить в Италии некоторое время, было бы хорошо обратиться к лучшему итальянскому доктору, которые хотя вообще очень плохи, но лучше других знакомы с местными условиями, но, конечно, употребить это как временную меру, а потом, Пётр Ильич, посоветуйтесь в Вене с доктором внутренних болезней*» [11, с. 96]. Интровертированность текста, обращенность адресанта к своему внутреннему миру и переживаниям побуждает его искать более близкого контакта с адресатом, и средством поддержания контакта в письме становится рассеянный вокатив. И наоборот, экстравертированный характер письма, направленного на изложение внешних событий и обстоятельств жизни или решение разного рода деловых вопросов, ослабляет потребность в иллюзии постоянного контакта между коммуникантами. Иллюстрировать этот тезис может, в частности, одно из писем П. И. Чайковского. По содержанию оно состоит из двух частей. Первая – это рассказ о проблемах в отношениях автора с его женой и поисках возможности развода, и эта часть включает вокатив *бесценный и добрый друг мой... дорогая моя... друг мой...* [11, с. 410–412]. Вторая же часть этого письма – рассказ о семье сестры композитора, о сельскохозяйственных делах, связанных с выращиванием свёклы, и эти фрагменты письма не содержат обращений к адресату. Последнее обращение возникает только в заключительной этикетной формуле письма, перед подписью: *До свиданья, дорогая моя. Ваш П. Чайковский* [11, с. 414].

Распределение компонентов рассеянного вокатива в тексте письма также подчинено определённым закономерностям, связанным с общей структурой эпистолярного дискурса. При рассмотрении письма в аспекте дискурсивного анализа исследователи выделяют в нём дискурсивные единицы, определяя их как текстовые единицы, приобретающие коммуникативно-прагматическое значение в социально

значимой ситуации общения [13, с. 5]. К числу специфических для эпистолярия дискурсивных единиц Н. В. Павлик относит, например, стандартизованные формулы обращения и приветствия, прощальные формулы, такие как выражение благодарности, пожелания, просьба продолжать коммуникацию и др. [13, с. 14]. Многие из них соотносимы с первичными речевыми жанрами. Используя классификацию речевых жанров, предложенную Т. В. Шмелёвой [14, с. 91–92] и разработанную А. В. Курьянович применительно к эпистолярному тексту [15, с. 56–63], покажем, что появление в письме внутритекстовых обращений во многих случаях связано с реализацией в составе эпистолярного дискурса таких этикетных речевых жанров, как извинение, благодарность, комплимент, поздравление, пожелание.

Речевой жанр «**извинение**» формируется, как правило, глаголами *извините, простите*, и автор письма включает в высказывание вокатив в непосредственной близости от этих глаголов: *Извините, Пётр Ильич, что я так заговорила о реализме, но это вопрос, который меня лично трогает...* [11, с. 98]; *Извините, пожалуйста, мой дорогой, снисходительный друг* [11, с. 131]; *Простите, друг мой, что я не писал Вам в Петербург* [11, с. 401]; *Простите, ради Бога, друг мой, что я возвращаюсь всё к этому делу* [11, с. 412]; *Простите, друг мой, что я так злоупотребляю Вашей добротой, но мне очень грустно было бы отказаться от удовольствия провести хотя несколько дней в милом, дорогом Браилове* [11, с. 440]; *Извините, милейший мой Павел Михайлович, что до сих пор я едва собрался ответить Вам на Ваше письмо* [12, с. 125]; *Надеюсь, добрый Павел Михайлович, что извините меня, во имя прежнего Вашего расположения ко мне, за просьбы, изложенные ниже* [12, с. 135]; *Извините, добрейший Павел Михайлович, что надоедаю Вам поручением, но в деле, для меня важном, не могу иначе обращаться, как к Вам* [12, с. 201] и т. д. Коммуникативная цель человека, который просит извинения, заключается в том, чтобы компенсировать адресату неприятности (неловкость, неудобство и т. п.), причинённые ему, избежать конфликта, продолжить межличностное взаимодействие, и использование вокатива как одного из важнейших языковых средств, выполняющих функцию установления и поддержания контакта, здесь вполне закономерно.

Другой этикетный речевой жанр, «**благодарность**», также связан с использованием вокатива: *Получил сегодня Ваше письмо от 18-го. Благодарю Вас тысячи раз, моя добрая, милая и дорогая Надежда Филаретовна, за всё, что в нём заключается* [11, с. 119]; *Благодарю Вас очень, Пётр Ильич, за присланный мне портрет Вашей жены* [11, с. 97]; *Очень, очень благодарю Вас, мой милый, бесценный друг, за сообщение мне процесса композиции* [11, с. 423]; *Очень, очень благодарю вас, милый, дорогой мой, за присланную фотографию* [11, с. 425]; *Ещё раз спасибо Вам, милый, добрый друг* [11, с. 439]; *Часто, часто смотрю я на браиловский альбом. Благодарю Вас, друг мой, за него от всего сердца* [11, с. 442]; *Вчера получила Ваше письмо с фотографиями Вашего семейства. Тысячу раз благодарю я Вас за это удовольствие, мой милый, добрый друг* [11, с. 444]; *Благодарю Вас, Павел Михайлович, за Ваше любезное приглашение, непременно попользуюсь* [12, с. 125]; *Спасибо Вам, бесценный друг, ещё раз за хлопоты по моим делам* [12, с. 225] и т. д. Вокатив, включённый в предложение после слова, выражающего жанрообразующую интенцию (*благодарю, спасибо*), усиливает эмоциональность высказывания, что и обуславливает прагматическую значимость обращения к адресату в высказываниях этого типа.

Употребление вокатива сопряжено также с речевым жанром «**комплимент**»: *А вот я люблю Направника, очень люблю Рубинштейна (Антон) и обожаю Вас, мой милый друг* [11, с. 145]; *Вообще, Ваши сочинения, мой милый друг, отличаются необыкновенным изяществом, так что, если даже и встречаются какие-нибудь обыкновенные вещи, то они всегда сказаны с таким достоинством, что уже*

перестают быть обыкновенными [11, с. 404]; В Браилове для меня теперь прибавилась ещё одна прелесть, это воспоминание о Вас, **мой несравненный друг** [11, с. 406]; Вы и не подозреваете, вероятно, **друг мой**, о том культе к Вашей личности, которым преисполнены мои братья [11, с. 413]; И Вы были так добры, **дорогая моя**, что согласились на это! [11, с. 414]; Да, **друг мой**, нигде так ясно, как в Браилове, я не чувствую, с какой силой я люблю Вас, не сознаю всё значение того счастья, которое доставляет мне Ваша дружба [11, с. 451]. Позитивная эмоциональная оценка адресата, выражение собственных чувств в жанре комплимента направлены на улучшение межличностного взаимодействия, и ожидаемый адресантом эффект подкрепляется использованием в составе вокатива слов с положительной экспрессивной окраской *милый, дорогой, несравненный* и т. п.

Речевые жанры «**поздравление**» и «**пожелание**» связаны между собой и регулярно образуют правильные этикетные синтагмы, где пожелание следует за поздравлением, например: *Поздравляю Вас, **милейший мой Павел Михайлович**, с Новым годом, вместе с тем желаю Вам и новых благ, удовольствий и т. п.* [12, с. 133]. Высказывания, которые содержат поздравление и пожелание, традиционно направлены на то, чтобы поднять самооценку адресата, акцентировать внимание на его достижениях, прошлых и будущих. Основная интенция обоих речевых жанров – поддержать контакт, и вокатив в составе соответствующих высказываний реализует данную коммуникативную цель: *Душевно радуюсь и поздравляю Вас, **Павел Михайлович**, с благополучным окончанием свадебного дела* [12, с. 129]; *Будьте здоровы, **мой милый и добрый друг*** [11, с. 401].

Вокатив в тексте письма так же регулярно сопутствует речевому жанру «**просьба**», который относится к типу императивных речевых жанров. Жанр просьбы обычно реализуется в ситуации, когда адресат может сделать что-либо в интересах адресанта, но не обязан этого делать. В интересах просителя представить ситуацию общения таким образом, чтобы максимально солидаризироваться с адресатом, создав впечатление близости позиций и общности интересов. Употребление вокатива в этом случае направлено на сокращение коммуникативной дистанции между корреспондентами: *Но я прошу Вас, **дорогой Пётр Ильич**, прочитать эти записки тогда только, когда Вы будете в совсем спокойном состоянии духа и когда Вам нечего будет делать* [11, с. 102]; *Что теперь делать? Посоветуйте и научите, **милый друг мой*** [11, с. 409]; *О, милое, незабвенное Браилово! Кстати. Напишите мне, **дорогая моя**, нельзя ли будет мне в конце августа хоть дня на три опять побывать там* [11, с. 411]; *Пожалуйста, **милый друг мой**, никогда не стесняйтесь писать мне про музыку всё, что Вы думаете, а я со своей стороны обещаю Вам в случае неточности музыкальных оборотов делать свои замечания и указания* [11, с. 420]; *Поэтому прошу Вас, **милый друг мой**, адресовать мне отныне в Женеву, *poste restante** [11, с. 435]; *Пожалуйста, **Пётр Ильич**, уведомьте меня в Женеву, всё ли Вы получите* [11, с. 438]; *Вот об ней-то (картине – Е. К.) я и прошу, **добрейший Павел Михайлович**. Не пристроите ли Вы её за 750 рублей* [12, с. 129]; *Прошу Вас, **Павел Михайлович**, написать мне несколько строчек, если Вы только не очень заняты* [12, с. 133]; *Прошу Вас покорнейше, **Павел Михайлович**, напишите мне в самом скорейшем времени и деньги мне нужны – чем скорее, тем лучше* [12, с. 151]; *Вот, **добрейший Павел Михайлович**, очень прошу как можно поскорее доставить моё письмо Уварову* [12, с. 165]; *Прошу Вас, **добрейший Павел Михайлович**, известить меня двумя словами о моём письме к Уварову, адресованное на постоянную выставку, что получено или нет, также, если возможно, то пришлите мне, на всякий случай, адрес Уварова* [12, с. 168]; *Долгом ещё считаю просить Вас, **Милостивый Государь**, потрудиться известить меня о получении двух моих писем, адресованных мною к Вам, о которых я ещё не имею никакого известия* [12, с. 178]; *Ради Бога, телеграфируйте мне, **Павел Михайлович**,*

могу ли я иметь надежду на Вашу помощь в этом деле [12, с. 239]. Вокатив в данных высказываниях, как и в рассмотренных выше дискурсивных единицах других речевых жанров, регулярно оказывается в непосредственной близости от жанрообразующего глагола и в сочетании с ним выполняет функцию маркера, акцентирующего внимание адресата на моменте смены авторской интенции.

К числу императивных речевых жанров, на наш взгляд, можно отнести и «обещание», только императив здесь направлен на самого адресанта, который берёт на себя определённые обязательства по отношению к адресату. Вот пример высказывания с интенцией обещания, в состав которого входит вокатив: *Из музыкантов со мною здесь есть только Пахульский, то он и перепишет три Ваши пьесы, и, как будут готовы, я Вам тотчас пришлю их, друг мой* [11, с. 405].

Риторический вопрос – это речевой жанр, в котором форма вопроса используется для утверждения некоторой идеи, при этом передача информации обычно сочетается с эмоциональной оценкой предмета речи. Автор риторического вопроса ищет в собеседнике понимания, стремится убедить его в том, что самому адресанту кажется непреложным фактом: *Да неужели Вы думаете, Пётр Ильич, что люди верующие не страдают?* [11, с. 129]; *Теперь я Вас спрошу, Пётр Ильич: неужели то состояние, в какое приводит человека бутылка Хереса, есть нравственное?* [11, с. 130]; *Но знаете, Пётр Ильич, чего я не могу простить ему? – это его отношения к консерватории* [11, с. 145]. Вокатив, включённый в высказывание, имеющее форму риторического вопроса, создаёт доверительный тон и усиливает эмоциональность речи.

Таким образом, компоненты рассеянного вокатива в тексте письма функционально неравнозначны. Начальное обращение выполняет фатическую функцию; внутритекстовые же обращения не только служат поддержанию контакта, но и маркируют некоторые дискурсивные единицы, реализующие речевые жанры извинения, благодарности, просьбы, комплимента, поздравления, пожелания, обещания. Учитывая то, что успешность коммуникации во многом зависит от правильного восприятия адресатом коммуникативной цели адресанта, а письмо как гипержанр сочетает в себе высказывания, реализующие разные интенции, вокатив становится средством, которое направляет внимание адресата на те фрагменты эпистолярного текста, где происходит смена коммуникативного намерения, что и обуславливает прагматическую значимость внутритекстового эпистолярного обращения. Перспективы дальнейших исследований связаны, на наш взгляд, с изучением субстанциональных свойств и функций рассеянного вокатива, что углубит лингвистическое понимание сущности письма как речевого произведения.

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено вивченню закономірностей розподілу компонентів розсіяного вокатива у тексті листа. Розглянуто деякі моделі співвідношення інтродуктивної та вторинної номінації адресата у складі розсіяного вокатива. Установлено, що інтратекстові компоненти розсіяного вокатива є маркерами дискурсивних одиниць, що реалізують мовленнєві жанри подяки, вибачення, прохання, компліменту та ін.

Ключові слова: розсіяний вокатив, звертання, лист, епістолярний текст, мовленнєвий жанр.

SUMMARY

The article is devoted to the study of the regularities of distribution of diffuse vocative components in the epistolary text. Some correlation models between the introductive and the repeated nomination of the addressee have been considered. It is found that intratextual diffuse vocative components mark some discursive units which realize the speech genres of gratitude, apology, request, compliment, etc.

Key words: diffuse vocative, form of address, letter, epistolary text, speech genre.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Журавльова, Н. М. Індивідуально-авторські та оказіональні гоноративи в епістолярному стилі XIX – початку XX ст. [Текст] / Н. М. Журавльова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : Материалы II Международной научной конференции (Днепропетровск, 14–15 апреля 2005 г.). – Д. : Пороги, 2005. – С. 149–153.
2. Серый, Н. П. Структурные типы обращений в украинском эпистолярном стиле (Дооктябрьский период) [Текст] / Н. П. Серый // Вопросы прикладной лингвистики : сб. науч. ст. – Вып. 6. – Д. : ДГУ, 1976. – С. 169–174.
3. Захарова, В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова [Электронный ресурс] / В. Е. Захарова // Режим доступа : <http://arckehhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st019.shtml>. – Загол. с экрана.
4. Климова, Н. В. Структура и стилистические функции обращений в письмах И. С. Тургенева [Текст] / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку : Сборник работ кафедры русского языка. – Днепропетровск, 1970. – С. 127–133.
5. Черняева, А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века [Текст] : автореф. дисс. ... к. филол. н. / Алла Борисовна Черняева. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.
6. Белунова, Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. : Жанр и текст писем [Текст] / Н. И. Белунова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 140 с.
7. Курьянович, А. В. О коммуникативно-прагматической сущности эпистолярного диалогизма (на материале писем В. С. Высоцкого) [Текст] / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 10 (125). – С. 174–179.
8. Фесенко, О. П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры: монография [Текст] / О. П. Фесенко. – Омск : Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2008. – 128 с.
9. Бунин, И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. [Текст] / И. А. Бунин [рук. издат. проекта Г. В. Пряхин]. – Т. 11 / [сост., прим. И. И. Жуков]. – М. : Воскресенье, 2006. – 515 с.
10. Мусоргский, М. П. Письма [Текст] / М. П. Мусоргский [сост. Е. Н. Абызова]. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1984. – 446 с.
11. Чайковский, П. И. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк [Текст] : В 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы / П. И. Чайковский [ред. И. Захаров; предисл. В. А. Жданов, Н. Т. Жегин]. – М. : Захаров, 2004. – 624 с. (Биографии и мемуары).
12. Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову (1856–1869) [Текст] / [сост. Н. Г. Галкина и М. Н. Григорьева]. – М. : Искусство, 1960. – 372 с.
13. Павлик, Н. В. Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні [Текст] : Автореф. дисс. ... канд. філол. наук / Н. В. Павлик. – Донецьк, 2005. – 20 с.
14. Шмелёва, Т. В. Модель речевого жанра [Текст] / Т. В. Шмелёва // Жанры речи : [сб. науч. трудов]. – Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.
15. Курьянович, А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой [Текст] : дисс. ... канд. філол. наук / Анна Владимировна Курьянович. – Томск, 2002. – 227 с.

Надішла до редакції 06.09.2013 р.